

ИГРА НА ГРАНИ

ГЕННАДИЙ КЛИМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Климов

Игра на грани

<https://litres.ru/74024903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клим родился в СССР — стране, которой больше не существует, — и успел вырасти в мире, где всё казалось прочным и понятным. Но к тому времени, когда он становился взрослым, прежние правила начали исчезать.

Музыка, женщины, ночные поезда, чужие города — жизнь всё сильнее превращалась для него в игру без запретов и последствий. Ревность, предательство и разрушительная страсть однажды открыли внутри него нечто, чему он сам ещё не знал имени.

Есть границы, после которых человек начинает терять самого себя.

«Игра на грани» — психологический роман о желании, вине и внутреннем распаде; история мужчины, слишком долго верившего, что любую игру можно остановить прежде, чем она начнёт уничтожать его самого.

Содержание

Глава 1	5
Смуглянка из ЛАЗа	5
Глава 2	20
Кися вернулась	20
Глава 3	32
«Букет» для дамы	32
Глава 4	37
Рыжая на телеграфе	37
Глава 5	49
В поезде	49
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Геннадий Климов

Игра на грани

Геннадий Климов

Игра на грани

«Игра на грани» — психологический роман о страсти, вине и опасной границе между свободой и разрушением. В жизни Клима каждое случайное встречное желание постепенно превращается в след, память и расплату.

Игра на грани © Геннадий Климов, 2026

Все права защищены. Запрещается воспроизведение, распространение, передача, публичное использование или переработка этой книги полностью или частично, любым способом и в любой форме, без предварительного письменного разрешения автора, за исключением случаев, предусмотренных законом. Первое издание. В основе романа лежат реальные события, наблюдения и личные воспоминания автора. Имена, отдельные персонажи, обстоятельства и эпизоды изменены либо художественно переработаны.

Пусть грань между рассудком и безумием всегда будет чёткой.

Г. Климов

Глава 1

Смуглянка из ЛАЗа

Май 1992 года.

Набитый битком, старенький ЛАЗ еле плёлся. Клим сидел на переднем сидении междугороднего автобуса, и так как оно располагалось вдоль прохода, был обречён ближайшие два часа, конечно же с перерывом в пятнадцать минут во время остановки в промежуточном населённом пункте, созерцать стройные ноги невысокой смуглянки, хотя с его довольно высоким ростом, при желании, он мог спокойно заглянуть в декольте, под которым не особо скрываясь, спокойно дышала небольшая грудь.

То ли оттого, что в салоне было душно, то ли из-за ощущения безысходности, кончики его длинных музыкальных пальцев, естественно без злого умысла, коснулись её острых коленок.

Будучи прилежным студентом консерватории, занимался часами на любимом инструменте. Его чрезвычайно экспрессивный мозг невольно накапливал в себе эмоциональное напряжение и нуждался в отдыхе, который находил в занятиях сексом с тщательно избранными представительницами прекрасного пола.

Всегда уверенный в себе, он даже предположить не мог, к чему приведёт это мимолётное прикосновение.

Реакции не последовало. Понимая, что столь незначительный раздражитель может быть воспринят, как случайность, решил увеличить активность и аккуратно обхватил её бедро широченной ладонью. Слегка вздрогнув, она довольно улыбнулась и, не опуская взгляд, продолжила обозревать, мелькающий ореховыми деревьями, полевой ландшафт.

«Так ничего и не скажешь? — Клим не верил своим глазам. — Даже обидно. Ладно...»

Неожиданно, его рука поползла вверх по бедру, каждым рецептором ощущая нежнейший шёлк её юного тела.

Наткнувшись на тончайшую ткань трусиков, приостановился. Но, как будто учуяв запах желания, словно лосось, идущий на нерест, преодолел порог и снова замер в ожидании.

До сих пор она стояла не шелохнувшись, но в какой-то момент, даже не глянув на искушителя, расслабилась и неожиданно развела колени. Вход раскрылся, из него повеяло влагой.

Почувствовав свежий поток, он, не задумываясь вошёл средним пальцем в щель, большой палец плотно лег на раззадоренный бутон. Она снова вздрогнула и рефлекторно сжалась, всё так же, не опуская головы, опрокинула её немного назад и сладострастно закатила глаза.

Автобус трясся по разбитому асфальту, каждый из пассажиров был занят собой. Кто-то дремал, уткнувшись лбом в спинку переднего сидения, кто-то смотрел в окно, кто-то тихо беседовал. Стоящие в проходе повисли на поручне, возвышаясь над сидящими, с выражениями лиц, походившими на страдальные гримасы рабов, распятых на крестах вдоль дороги, ведущей в древний Рим.

Два невольных свидетеля украдкой наблюдали за процессом, боясь спугнуть удачу.

Сидящая у окна женщина глубоко бальзаковского возраста, сначала изредка поворачивая голову, то с завистью поглядывала на, едва сдерживающую эмоции, смуглянку, то с интересом на бесстыдника—Клима, нервно потирая замочек своей дамской сумочки, слегка вдавливая его пружину, наверняка, воображая, как виртуозно он исполняет трели на розовой клавише из нежнейшей плоти. Вскоре, она распустила хвост и уже с неподдельным восторгом, не скрывая возбуждения, тарасилась на них обоих.

Мужчина лет сорока, дремал, облокотившись о спинку кресла слегка развернутым телом. Его голова, то и дело, подпрыгивала, когда автобус налетал на неровности дороги. Подскочив на очередной кочке, она зависла в воздухе и, выплывая из полудрёмы, повернулась в сторону соседа. Заметив неестественное слияние двух тел, пассажир протёр глаза, откинулся на спинку сидения и, с довольной улыбкой, стал пялиться туда, где рука Клима исчезает под цветастым, сит-

цевым платьем.

Она стояла, опершись в его колени, еле заметно вздрагивая, когда его длинный палец проникал глубже, а большой при этом, не останавливаясь ни на мгновение, нарезал виражи немыслимой траектории. Влажной уже была даже кисть.

Неожиданно автобус повернул вправо и, поднимая клубы пыли, нырнул в миниатюрный закуток, называемый «автобусной станцией» небольшого городка.

Она опустила голову, он медленно вынул из её текущей промежности влажный палец, приблизил его к лицу, медленно втянул носом благоухание, затем к губам и еле заметно лизнул. Поблагодарив его томным взглядом, она устало, спотыкаясь направилась к выходу.

Соскочив со ступеньки, Клим, решив размять гудящие от продолжительной неподвижности ноги, попрыгал, озираясь по сторонам. Её рядом не оказалось.

На перроне, неподалёку от автобуса, грузная женщина в белом халате продавала, как он подумал, пирожки. Тут же направился к ней. Сняв крышку со старого, замасленного ведра, она оторвала прилипший беляш и с дежурной улыбкой протянула ему. Рассчитавшись, он развернулся и, сунув его в рот, откусил внушительный кусок. По губам тек жир, запах мяса и специй, смешанный с ароматом её многочисленных оргазмов, будоражил воображение.

«А вот и она, — встрепенулся Клим, — возвращается, из туалета, наверное. Что, даже не глянешь в мою сторону?»

— Отъезжаем! — громко объявил водитель и, пропустив несколько человек перед собой, сам запрыгнул в автобус.

Через мгновение она снова стояла перед ним, раскрыв свои чресла, готовая получить очередную порцию неподвижного наслаждения.

Так прошли ещё сорок пять минут.

Наконец, автобус, на последнем издыхании, фыркая как кашалот, вкатился на платформу пункта назначения.

Она вышла, не сказав ни слова. Клим принял это, как должное. Выскочив из автобуса, направился было домой.

— Это всё? — вдруг послышалось где-то рядом за спиной.

Он обернулся на звук.

Перед ним стояла всё та же смуглянка. Рядом она казалась ещё ниже. Чёрная копна волос покрывала открытые плечи, глаза-угли горели адским огнём. Неуверенно протянув ему руку, робко произнесла:

— Таня.

— Клим, — с небольшим опозданием взял её ладонь.

— Неожиданно так всё вышло.

— Прости, — произнёс виновато, — вышло само собой.

— Я чуть с ума не сошла. Ты же меня отымел на глазах у всего автобуса.

«Неужто понравилось», — подумал Клим, лукаво улыб-

нувшись, и решил подколоть смуглянку: — Не знаю, как весь автобус, но те двое...

— Какие двое? — её лицо снова налилось кровью.

— Мужчина, сидевший рядом и женщина у окна: внимательно наблюдали за нашим страстным петтингом, — он рассмеялся.

Она окончательно смутилась.

— То-то я смотрю — она с меня глаз в туалете не сводила.

И мужик тот, когда я подошла к автобусу, хитро подмигнул.

— Не обращай внимание. Пусть завидуют.

— Ты когда назад?

— Послезавтра.

— Номерок оставишь? — взмолилась она взглядом.

— Без проблем.

Записав номер телефона общежития, она подошла вплотную и потянулась к нему, глядя прямо в глаза.

Он тут же подхватил её за изящную шею и, приблизив, прикоснулся к влажным губам. Ему на миг показалось, что целует он её в те, самые желанные губы.

— ◆ —

Два дня пролетели в фантазиях о новой знакомой и обильных изливаниях в неоднократных проявлениях эксгибиционизма, коим свидетелем была лишь полная луна, ни на секунду не отворачивающая своего холодного, бледного от стыда лица.

— ◆ —

По возвращении в общежитие, едва войдя в здание, Клим положил тяжёлую сумку подле поста вахтёрши, упробил её воспользоваться телефоном и нервно набрал заветный номер.

Писклявый женский голос ответил с сильным молдавским акцентом и с неприкрытым неудовольствием.

— Общежитие трикотажной фабрики.

— Таню Боровскую позовите, пожалуйста.

— Какой комната?

— Не знаю, — растерялся он.

— И как я тебе её найду? — произнесла себе под нос с тем же акцентом и тут же обратилась к кому-то по-молдавски. Сделав над собой усилие, его мозг занялся синхронным переводом: — Слышишь, знаешь Таню Боровскую?

— Которая из 28-й?

— Наверное. Позови к телефону.

— Ладно, — прозвучало недовольно.

— Сичас придёт, если ана в комната.

— Спасибо огромное, — растёкся в благодарности Клим.

— Давай, не задерживай телефон, — с таким же сильным акцентом потребовала вахтёрша, нервно поглядывая на часы, — тут тебе не телефонная будк.

— Пожалуйста, — взмолился он с видом кота Леопольда, прикрывая трубку телефона.

На другом конце слышался знакомый женский альт на молдавском и мозг Клина снова переключился в режим син-

хро–переводчика:

— Спасибо огромное, Лидия Алексевна.

— Перестань раздавать номер общаг всем своим ёбарям,

— презрительно прозвучало в ответ.

Понимая, что пререкание со «столь ответственным персонажем» приведёт к полной потере доступа к «неотъемлемому и единственному атрибуту социальной жизни», игнорируя неприкрытое оскорбление, коротко поинтересовалась: «молдаван?», и получив в ответ: «рус», тут же переключилась на собеседника, ожидавшего на другом конце провода.

— Слушаю.

— Таня, привет, это Клим.

— Я поняла. Кроме тебя у меня нет русских знакомых.

— Ясно. «Как странно – она так ловко переключается с молдавского на русский, которым тоже владеет в совершенстве», — подумал Клим и сразу перешёл к сути: — Мы можем встретиться сегодня?

— Где? — казалось, она уже была готова выехать в любую точку города.

— Давай ко мне в общагу.

— А соседи?

— Я один в комнате живу, — похвастался он.

— Куда ехать? — спросила сухо.

Он продиктовал адрес и пообещал встретить её на троллейбусной остановке, чтоб не заблудилась.

— ◆ —

Окрылённый предстоящей встречей с безотказной смуглянкой, буквально взлетев по ступенькам на третий этаж, совершенно не ощущая тяжести громоздкой сумки, кинул её на входе в комнату, подхватив полотенце и чистые трусы, помчался в душ.

Острая, как швейные иглы, струя воды, врезаясь в нежные соски, которые он то и дело подставлял под неё, возбудила до предела. Ему стоило огромных усилий оторвать горячую ладонь от набухшего до предела, мужского причиндала.

По-летнему одевшись, добавил к «мужскому запаху» аромат дорогого парфюма, подаренного в день его рождения, его взрослой «покровительницей», что была старше его на девять лет, ласково прозванной им «Кися», глядя в зеркало, отметил, сколь неотразимым он бывает, и отправился на долгожданную встречу.

Он не шёл – бежал! Жажда – воплотить мыслимые и немыслимые фантазии в жизнь, сводили с ума. Не заметил, как встретил её, как вёл к себе домой, как овечку на заклятие, как уговорил «доверчивую» вахтёршу оставить свою «троюродную сестру по линии брата дедушки» на ночь... Всё это осталось в прошлом.

Его трясло от осознания того, что прямо сейчас его «спеолог», в погоне за новыми ощущениями, нырнёт в уже затопленную до краёв горячими водами, «узкую пещеру».

Вдруг она робко произнесла:

— Хочешь, я тебе сделаю массаж.

Это сильно разнилось с его, уже сложившимся представлении о ней. Теперь она походила на добродетельную сестру милосердия века так девятнадцатого, что пришла справиться о самочувствии раненного солдата, доставленного с поля боя. Ему так и хотелось сказать: «Сестричка, так скверно себя чувствую, родная, что жду не дождусь, когда же ты склонись на коленки и проглотишь его целиком». Но, решив сыграть по её правилам, воздержавшись от столь откровенного заявления, согласился на массаж, всё же надеясь в последствии, по крайней мере, на оральный.

— Мне лечь?

Почувствовав, появившееся в его голосе лёгкое сомнение, она поспешила обнадёжить:

— Конечно. Массаж только лёжа, — и лукаво улыбнулась.

Молниеносно скинув рубашку, небрежно бросил на спинку стула и укладываясь, уточнил: — На живот лечь или на спину?

— Ну, сначала спину разотру, потом перевернёшься.

Сдвинув к стене подушку, упёрся острым подбородком в матрац. Поняв, что данная поза неудобна, развернул голову в сторону, всем телом прилипнув к постели.

Недолго думая, новоявленная массажистка задрала подол того самого ситцевого платья, под которое он однажды уже захаживал, и ловко задрал одну ногу, перекинула её через него, усевшись на нём, как лихая наездница на, ничего не

подозревающим скакуне, сильно сжав при этом его угловатые бёдра.

В его девственную спину вонзились филигранно отточенные ноготки «дикой кошки», он вздрогнул от неожиданности.

— Ай! Аккуратнее!

— Ой, извини, — она убрала «когти», незаметно хитро улыбаясь. — Ты совсем зажат. Расслабься.

Она нежно скользнула ладонями к пояснице, потом вернулась к плечам и начала слегка вдавливать грудную клетку в пружинную кровать.

— Постараюсь, — прохрипел сквозь сдавленную гортань.

— Да уж, постарайся.

И она начала...

Неожиданно для себя он вспомнил, как десятилетним ребёнком ходил на массажные процедуры к маминной подруге, когда получал невероятное наслаждение от её умелых рук.

— Для швеи мотористки ты великолепно владеешь этим ремеслом, — снова прохрипел он, в очередной раз вдавленный в простыню.

— Я знаю, — всё так же улыбаясь, продолжала разминать его, до предела напряжённый от многочасовой игры на инструменте, «плечевой пояс».

Уж и мяла она его, перебирая умелыми пальцами, казалось, каждое волокно зажатых мышц, и растирала, ещё больше разогревая и без того горячую спину. И когда, поплыв от

наслаждения, он совершенно забыл, для чего пригласил эту, претендующую на звание «верховой жрицы любви», особу, она, вдруг похлопав его по плечу, громко приказала:

— Переворачивайся.

— Уже? — недоумевая произнёс он.

— Да. Уснул? Просыпайся, — рассмеялась она, привстав над ним.

Ловко перевернувшись под ней, он протянул к ней руки и, вытянув длинные пальцы, уверенно захватил её оголённые ляжки так, что она вздрогнула. Продолжая кокетливо улыбаться, положила ладони поверх него и притянула к себе так, что он обхватил её осиную талию, ввернув большие пальцы в беззащитную промежность, ещё больше разведя напряжённые ноги. Опустившись всем телом на него, вдруг упёрлась раскрытыми половыми губами в невероятно твёрдый, мгновенно опознанный объект, томно протянув:

— Уф...

«Какой там массаж, — неожиданно пронеслось в его, до предела возбуждённом мозгу, — ближе к телу».

Стремительно приподняв её, стащил с себя трусы, из которых выскочил упругий жезл, не дав ей опомниться, привычным движением сдвинул перегородку её шёлковых трусиков и, с силой прихватив её бёдра, нанизал влажную вагину на всю длину напряжённого до боли, члена. Она громко втянула воздух, вздымая аккуратную грудь. Недолго думая, запустив длинные руки под платье, он устремился вверх,

она рефлекторно нагнулась и выскользнула из лёгкого одеяния, оставшись лишь в бюстгальтере, миниатюрная застёжка которого мгновенно была расстёгнута ловкими пальцами скрипача–виртуоза, и неуместный аксессуар нижнего белья упал на пол. Два «холма неземного происхождения» легли в заботливые ладони, искушённого многочисленными женскими прелестями, гурмана, острые сосочки с жаждой потянулись к подушечкам больших пальцев, утонув под ними в упругой груди.

Не отрывая взгляда от её лица, перфекционист, по сути, он каждым движением пытался вызвать яркую эмоцию — свидетельство своей потенции, умения.

В глубине источающей жар тесной печи творилось немыслимое. Сдавленный до предела, он продолжал набухать и расти в размерах, будто пытаясь раздвинуть сдавившие его стены «темницы», в которую он так рвался, и в то же время, наслаждаясь этими объятиями.

Климю казалось, что член ему уже не принадлежит, будто это независимый от него, изрядно потяжелевший, орган — «датчик термометра», посылающий сигналы в мозг. Нырнув в поток гормона удовольствия, одурманенный гипнотическими движениями, извивающейся над ним, стройной «кобры», он стремительно мчался к водопаду оргазма.

Вскоре «стены темницы» стали сопротивляться и сдавливать орган всё больше, сокращаясь с невероятной силой. «Кобра» задёргалась в конвульсиях, и заорала, разинув

пасть, будто сейчас нападёт, и вдруг застыла.

Неожиданная остановка тут же отразилась на эрекции. Почувствовав неладное, она нагнулась над ним, нырнула ладонью под его шею и, пристально глядя прямо в глаза, властно приказала: «Даже не вздумай упасть!», — страстно впившись в его тонкие губы.

Член мгновенно пришёл в тонус. Она ловко спрыгнула с него, и через мгновение он почувствовал её губы. Несколько быстрых движений — и мир поплыл перед глазами...

Резко возникшая ноющая боль где-то в корне члена — и его разбухший до предела брендспойт наполнила мощная струя.

Продолжая смотреть в его обалдевшие глаза, она с явным удовольствием смаковала последствия собственной выходки.

Насладившись сполна, подхватил её голову и аккуратно направил к себе. Она покорно пододвинулась ближе и дала себя поцеловать.

— Как же мне нравится это, — наконец он выдохнул.

— Что именно, — произнесла спокойно она.

— Обожаю целовать девушек после таких минут. Этот неповторимый вкус — он никогда мне не надоест.

— Так у тебя их было много, — она продолжала улыбаться, глядя в глаза.

— Ты ведь не думаешь, что ты первая у меня, — от него разило подростковым бахвальством.

— Что ты! Ни в коем случае, — подыграла ему, глянув на часы, добавила: — Поздно уже, я поеду, мне ведь в другой конец города добираться.

— Может всё же останешься? Я с вахтёршей договорился.

— Нет, поеду, — аккуратно оттолкнувшись от его груди, встала и начала одеваться. — Завтра на работу. Отдохнуть хочу. А с тобой это вряд ли получится.

— Ну как знаешь, — безразлично ответил.

Он знал, что завтра ему предстоит встреча с той, кто в последнее время прикладывала всё усилия, чтоб стать центром его вселенной.

Глава 2

Кися вернулась

Энергично пересекая очередной перекрёсток на красный свет, Клим вспоминал вчерашнее randevу с безотказной Таней и едва не попал под автомобиль, неожиданно выскочивший на него. Нервно ругнувшись в сторону водителя, прибавил ход.

Каша из звуков различных инструментов уже теребила нежные барабанные перепонки скрипача. Ворвавшись в холл консерватории, спешно взлетел по парадной лестнице на второй этаж, как вдруг:

— Здравствуй, милый, — за спиной послышалось знакомое сопрано. Его Клим не спутал бы ни с каким другим. Режущий ухо, почти истерический, звучащий на постоянном чрезвычайном надрыве козлитон, даже скорее — жалобное бляенье, с которым он уже смирился в силу неординарных способностей её глубокой глотки не только воспроизводить немислимые пассажи в весьма узком диапазоне верхней tessитуры, но и вмещать в себя довольно внушительных размеров предметы.

Он медленно обернулся, улыбка уже была натянута на его, до сих пор серьёзное лицо, и слащаво растянул:

— Ки-ся, ты вернулась.

— Не ожидал? Проказничал тут без меня? — пошутила она не безосновательно.

— Что ты, Кися, ни в коем разе. Как я могу?! — он приблизился к ней вплотную, поцеловал в дрожащие губы, прильнул к ушку и шепнул манящим баритоном: — Я тут класс взял для занятий. Не пошалить ли нам?

Слегка отодвинувшись, она глянула ему в глаза и без малейшего удивления заключила:

— Прямо сейчас?.. В ущерб учебному процессу?..

— Почему бы и нет?.. — его рука резво скользнула к её промежности.

Будто ужаленная прямо в клитор, она вздрогнула, и уже не в силах терпеть, прошипела:

— 38-й, как обычно?

— Естесно! — лукаво подмигнул он.

— Ну, идём, чего стоишь?!

— ◆ —

— Как же я ждал этого момента.

Он осмотрелся – нет ли кого в коридоре, закрыв дверь, повернул ключ в замочной скважине и, направившись к ней, с нетерпением стал расстегивать ширинку. Не закончив процесс, взял её за плечи и стал заваливать набок. Не понимая, чего он хочет, она посмотрела на него в недоумении.

— Кися, ложись на спину, — нервно объяснил он.

Она прижалась лопатками к рояльной банкетке, голова

повисла у его ног. Вынув, уже набухший член, он примостился у изголовья, и вставил в распахнувшийся рот, медленно проникая всё глубже в гофрированный пищевод. Вынул, и дав ей отдышаться, ввёл снова. Не останавливаясь, повис над её выгнувшимся телом, с трудом стянул с её костлявого таза обтягивающие брюки, сначала до колен, потом, убедившись, что всё ещё неудобно, стал опускать их ниже. Неожиданно высвободившись, она привстала, сняла их вовсе и, снова приняв исходное положение, открыла рот в ожидании лакомства. Он тут же был занят желанным «чупа-чупсом».

Устроившись на ней поудобнее, прильнул к кудрям, скрывающим вход в «рай» и, с наслаждением втянув полной грудью дурманящий аромат, заботливо накрыл всю щель губами. Глядя на них сверху, они походили на карту «Валета» с почти идеальным соответствием роста. Амплитуда расширилась изрядно. Сейчас он абсолютно не думал, что ротовая полость, кроме всего прочего ещё предназначена для пропускания воздуха в лёгкие. Этот орган уже давно воспринимался им как половая щель, у которой нет необходимости дышать. Воздух с шумом вырывался наружу, раздувая щёки и заставляя расслабленные губы фыркать подобно лошади.

Как говорится: «она дышала маткой». С завидной для самой тренированной путаны выносливостью, лежала под ненасытным «существом», даже не пытаясь противостоять натиску. В то время, как его упругий язык, порой нарочно срываясь с «кнопки, запустившей необратимый процесс»,

проникал столь глубоко, что ей казалось, где-то в недрах её трепещущей сущности, он лизнёт собственную головку, «змеиное» тело извивалось на этом «шампуре», не имея ни сил, ни желания соскочить.

Что она чувствовала в данный момент, не понимала даже она. Её переполняло нечто, во имя чего она жила с момента, как он впервые проник в неё. Всё, что ей нужно было — это чтоб в дверь не постучали и он случайно не остановился. Доносящаяся со всех сторон какофония из произведений Баха, Моцарта, Бетховена, сумбур из концертов, упражнений, этюдов, только усиливал накал страсти. И когда, задыхаясь, она была готова в очередной раз хлебнуть воздуха, вдруг задёргавшись, он замер, лишая её последней надежды на передышку. Она лишь зажмурилась, понимая, что и на этот раз всё закончится именно так.

Они застыли в экстазе на мгновение, уже казавшееся ей вечностью. Её грудная клетка резко втянулась, и она задёргалась, как уж на сковороде, пытаясь освободиться от него. Ей казалось, что он заполнил собой всё её существо без остатка.

Он неспешно стал выходить, то и дело подёргиваясь, продлевая наслаждение. Она с шумом втянула порцию воздуха, остановленную очередным толчком. Его уже давно не заботило, что чувствует она. С некоторых пор Клим знал, что его «похотливая Кися» всегда получала своё.

Поднявшись над ней, он вытер влажную головку об её «обвафленные», растянутые щёки, завершил её волосами и,

спрятав его в штаны, стал застёгивать ширинку.

— Помоги же встать, — жалобно проблеяла она.

Подав ей руку, резко потянул. Сорвавшись с банкетки, она по инерции, чуть не сбила его с ног и, не упуская возможности, страстно впиалась в его губы, замазав его совершенно.

Незамедлительно высвободившись из её внезапных объятий, он брезгливо воскликнул:

— Кися, блин!

— Что—о, — лукаво улыбнулась она.

— Скажи ещё, что не специально!

— Нет, конечно...

Она достала из сумочки слащаво пахнущий носовой платок и принялась заботливо вытирать его щёки и губы, затем, аккуратно очистив свои, снова поцеловала, но уже с любовью.

— Ладно, мне заниматься нужно, — неожиданно изменился в лице.

— Можно, я послушаю? — изобразила милого котёнка.

— Нет, Кися, мне нужно побыть одному, — немного подумав, продолжил: — Тебе совсем нечем заняться? — и не дожидаясь ответа, скомандовал: — Правда, займись чем-нибудь, встретимся позже. В час жду тебя в парке, на нашем месте, после пойдём обедать.

— Ладно, — спокойно произнесла она.

— ◆ —

Несмотря на её природную миловидность и стройное те-

ло, её многочисленные попытки овладеть его сердцем были тщетны. Двадцати девятилетняя Кися являлась для него всего лишь удобным, всё же предметом получения наслаждения. Она это понимала и не просто отдавалась ему безоговорочно, но стала безвольной игрушкой в его руках. Эдакий вынужденный альтруизм.

С самого рождения естественное желание человека — получение удовольствия любым путём и в любых условиях. Даже когда его подвергают пытке, он и в этом случае пытается приспособиться. Очень быстро она не только свыклась с отведённой ей ролью, но иное существование ей казалось невероятным. Мысль о том, что однажды он устанет от неё, ей была невыносима. В такие моменты хотелось лишь одного — быть нанизанной в последний раз на его вертел и раствориться в этом ощущении навсегда.

В назначенное время Кися ждала своего «мальчика» на привычном месте.

Подойдя к ней сзади, по-детски протянул руки, прикрыв широкими ладонями её глаза.

— Кли-им, — растянула улыбаясь, быстро обернувшись, неожиданно дернулась к нему и выхватила скупой поцелуй.

— Снова, — подался назад, — я же просил: не на людях.

— Ну, прости, — виновато понизив голос, заморгала.

— Ладно, пошли, — скомандовав, направился к лестнице, ведущей к озеру.

Вскоре они уже шли по едва заметной тропинке в глубь дремучего парка. Голоса прогуливающихся людей уже растворились в птичьем пении. Неожиданно остановившись, огляделся, не увидев никого, раздвинул густые заросли высоких кустов, учтиво предложил своей спутнице пройти, затем продираясь сквозь них сам, пытаясь быть максимально аккуратным, всё же исцарапал тыльную сторону ладони. Но это его не заботило вовсе. Его, уже набухшая от невероятного возбуждения, головка нестерпимо зудела. Наконец, он уверенно произнёс:

— Давай, здесь, — и повернувшись к ней стал расстёгивать ширинку джинс.

Присев на корточки, она дождалась, пока из штанов вынырнет долгожданный орган и, аккуратно взяв его тонкими пальцами, приблизилась и поднесла к носу. Затянувшись, как заядлый курильщик, наслаждаясь ароматом «кожаной сигары», приложила к возбужденным губам, коснулась уздечки кончиком упругого языка и неожиданно с жадностью проглотила целиком. Обласкав и обильно смочив слюной, медленно вынула, но не до конца. Как искушенный гурман, была не в состоянии выпустить из губ вожаделенную, нежную головку, она снова провалилась в горло и словно в вакуумной помпе, стала наливаясь кровью и расти всё больше.

Сотрясая крыльями воздух, прилетела огромная ворона. Усевшись на ветку дерева неподалёку, громко каркнула и с любопытством стала наблюдать, подставляя то один глаз, то

другой, недоумевала: то ли она видит или это оптический обман. Вскоре, сообразительная птица задвигала головкой, имитируя движения Киси, по-видимому, пытаясь постичь птичьими мозгами смысл данного действия.

Вдруг послышался шорох, шаги неумолимо приближались. Пернатая свидетельница снова презрительно каркнула, видимо в осуждение публичного разврата и, резко взмахнув крыльями, улетела. Через пару секунд над кустами взмыла мужская фигура. Остановившись, тот замер в недоумении от неожиданно застигнутой врасплох парочки.

Кися даже не думала отвлекаться, без тени смущения продолжая наслаждаться процессом. Клим поднёс палец к губам и жестом попросил мужчину убраться. Тот, учтиво кивнул, с улыбкой задрал большой палец кверху, и пошёл своей дорогой, периодически оборачиваясь.

Интенсивность была столь мощной, что ему хватило нескольких минут. Почувствовав его напряжение, она лишь сильнее прижалась к нему, будто пытаясь опустошить его совершенно, забрать себе всё без остатка. Она подняла на него взгляд и лукаво улыбнулась. В её суетливых глазках светилось удовольствие человека, которому неожиданно подарили гораздо больше, чем он смел надеяться.

Наконец, она встала. Вечно снующие по сторонам, суетливые глазки, теперь смотрели на него в упор. Неутоленная жажда пожирала её вибрирующее тело. Она качнулась к нему, он подхватил её за голову и стал целовать. Таких слад-

ких губ он в жизни не пробовал.

Неожиданно оторвал её от себя. Безумное выражение лица девушки вопило дрожащими губами: «Неужели ты не видишь?! Я сейчас сдохну! Возьми меня здесь и сейчас!»

— Так, Кися, не знаю, как ты, но я умираю от голода. Мне нужно плотно поесть. Сейчас идём в столовку, потом к тебе в общагу и там продолжим, — скомандовал.

Ещё пару минут назад, уверенная в себе, она покорно шла за ним, ведомая основным инстинктом.

— ◆ —

В столовой за столом всё, на что падал её озабоченный взгляд, ярко ассоциировалось с бесчисленными элементами Камасутры. Крупная сосиска, совершенно случайно лежащая в «долине» меж двух «холмов» из гречневой каши, конец которой щедро был полит соусом; тонкий, высоченный стакан с кефиром; то, как он, будто нарочно, облизывал вилку, слегка поддевая кончиком языка.

Наконец, она нервно, почти визжа, но очень тихо, произнесла дрожащими губами:

— Издеваешься?! — её голова подергивалась, как при Паркинсоне. — Прекрати сейчас же!

— Ты чего? — он уже давился от смеха. — Я просто ем.

— А я уж подумала, ты издеваешься.

— Что ты, Кися, как я могу? — прорвавшийся сквозь носовую перегородку поток воздуха, издал характерный хрип.

— Ёрничаешь? Ладно, — она уткнулась в тарелку и, гля-

нув исподлобья, произнесла с ехидцей: — Отомщу.

Дорога домой ей казалась вечностью. С трудом передвигая длинные ноги, она беспомощно повисла на его руке. Всё её существо съёжилось до небольшого сгустка необычайной энергии в зоне промежности, стремясь к критической массе, угрожая неминуемым взрывом и неумолимо тянуло к земле.

Быстро пройдя вахтенный заслон общежития, даже не глядя на изумлённую старушку–вахтёршу, они свернули в едва освещаемый дневным светом коридор. Во мгновение ока раздался звук затвора замка и открылась дверь заветной комнаты. Войдя, она сделала шаг вправо и всем телом оперлась о стену, сильно сжав ноги. Умоляющим взглядом пытаюсь поймать его глаза, как послушная, тренированная сучка, ожидая обещанного лакомства, не смела сделать ни малейшего движения без разрешения хозяина.

Медленно затворив дверь, он подошёл к ней и вдавил в стену, она тут же обмякла в его руках. От её дичайшей дрожи, казалось, начнётся землетрясение. Как только его губы коснулись её, его язык с жадностью был всосан в вакуумную помпу, что запустило молниеносную цепную реакцию. Если бы кто наблюдал за ними, вряд ли смог бы заметить хронологическую цепочку происходившего в данный момент: задранное платье, спущенные трусы, расстёгнутая ширинка, переплетение рук и их скольжение по телам, вдруг...

Словно атакующий рыцарь, он безжалостно пронзил её

незащищённое доспехами тело, длинным копьём. Поражённая, едва слышно всхлипнув, она замерла, на вдохе, зажмурив глаза, острые когти глубоко впились в его спину, намертво зафиксировав нападающего в этом положении.

Неожиданно остановившиеся шаги за дверью привлекли внимание, раздался совершенно несвоевременный голос старушки—вахтёрши:

— Катя, ты в порядке?

Неимоверных усилий ей стоило собраться, чтоб выдавить из конвульсирующего тела внятную, не привлекающую лишнего внимания, фразу:

— Да, Мария Фёдоровна, — продолжая что-то безмолвно лепетать дрожащими губами.

Он еле сдержался от смеха, прорвавшийся сквозь затвор носовой полости воздушный поток, издал характерный хрип. Кися беспомощно улыбнулась.

— Ладно, — согласился всё тот же голос из-за двери, — если что — я рядом, — и шаги стали удаляться.

Его широченная ладонь скользнула под растрёпанную, волнистую копну её светлых, с лёгким рыжеватым оттенком, волос, и их губы намертво спаялись в страстном поцелуе. Как говорится: «если чердак ржавый — в подвале мокро». Она слегка расслабила текущую промежность и, высвободившееся «копье рыцаря», выйдя почти полностью, вонзилось в уже обильно смазанную «рану», с новой силой. Это походило на жесточайшую пытку сражённого противника, с мазохист-

ской настойчивостью подставляющего истязаемое тело, сотрясающегося при каждом проникновении. Накопившееся в пути возбуждение было столь велико, его рычащие, победоносные возгласы и её отчаянные стоны — столь интенсивны, что им хватило нескольких минут, и в одновременном оргазме они наконец достигли желанной вершины. Комната наполнилась густым ароматом их безумия.

— ◆ —

— Может чайку? — сияя счастливой улыбкой, она взяла из тумбочки литровую банку. — Схожу, воды наберу и завтраю.

— Не откажусь, — приводя в порядок растрёпанные волосы, спокойно согласился.

Вода начала бурлить, с ней и его гормональная система.

— Давай, потом, — он вынул кипяtilьник из банки, положив его на блюде и повалил её на кровать.

Поцелуй был столь горяч, что взрыв был неизбежен...

Оглушительный хлопок раздался вдруг, он инстинктивно вдавил Кисю в подушку, над головой разлетелись осколки.

В ушах продолжало звенеть, робко приподнимая голову, он с опаской спросил:

— Что это было?

— Попили чаю, — проблеяла она, — кипяtilьник выключать из розетки нужно. — А могли и без глаз остаться.

Оба разразились смехом.

Глава 3

«Букет» для дамы

Клим проснулся от ощущения, что голым животом лежит на гранитном стержне. Всячески скрывая не спадающий сто-як, добрался до туалета, во избежание фонтана, присел над унитазом, с трудом прогнув его, направил вниз, расслабил предстательную железу и...

Чуть не взвизгнул от режущей боли.

«Что за?.. — лицо сжалось в гримасе. — Этого ещё не хватало. Слышал о таком, но, чтоб сам попал. — Вдруг спохватился: — Кися!.. Пи..ц!.. Убьёт!..

— ◆ —

Всё утро Клим нарезал круги по консерватории, пытаясь не попасться на глаза разъярённой, как он полагал, Кисе.

— Вот ты где, — за спиной раздалось блеющее сопрано. — Кот Васька, — ей хотелось бы засмеяться, но состояние, видимо, не располагало, — напроказничал и под диван!..

— В смысле?.. — его, всегда справляющийся с самы-ми невероятными головоломками мозг, судорожно пытался найти отмазку, но с подобной этой он не сталкивался, и по-

тому Климу ничего не оставалось, как признать косяк своим:

— Кися, я всё объясню...

Но, едва он открыл рот, как она продолжила:

— Тебя подкараулила группа заражённых проституток и беспощадно изнасиловала? — смех пробивался сквозь накатившие слёзы.

— Прости, Кися, — в отчаянии протиснул он сквозь скрипящие зубы и заткнулся.

— Прости — не прости, а лечиться придётся обоим. Я уже договорилась с подругой, она врач, придётся ездить к ней домой колоться.

— Во сколько это встанет? — растерялся виновник.

— Встанет!.. — съёрничала улыбнувшись: — Хуй у тебя встанет скорее, бедный студент! Я сама всё оплачу, но сначала нужно анализы сделать, поедем к ней в поликлинику, она всё организует без шума и пыли.

— ◆ —

Они сидели в коридоре поликлиники. Клим передал подруге результаты анализов, только что вручённые ему врачом.

— Да там целый букет...

— Ага, букет для дамы, по цене с ним не сравнится самый изысканный — курс антибиотика на двоих! Твою ж мать, Клим! — она повернулась к нему. На неё в упор смотрели голубые глаза. Немного смягчившись, она обняла его. — Хотя, чего удивляться, я же знала. Ты хоть резинками пользуйся.

— Да откуда я деньги на резинки-то возьму? Катюха, ну прости, — он стал ластиться, как едва родившийся котенок, — Кися, прости.

— Да ладно, даже не сержусь, видишь, — она погладила его по густой волнистой шевелюре, подтянула к себе и смачно поцеловала в лоб, задержавшись на мгновение. — А трахаешь ты всё, что шевелится, а что не шевелится — расшевеливаешь и трахаешь.

— Но ведь классно трахаю, согласишься, — его невинные голубые глазки лукаво заморгали.

— В том-то и дело. По крайней мере – первая в очереди, — её губы всосали его язык. Он мгновенно возбуждился, член натянулся, как взведенная пружина, пытаюсь встать, стало больно сидеть. Он резко поднялся, поправил «хозяйство», огляделся и, взяв её за руку, повёл к туалету.

— Ты чего? — в недоумении прошептала она.

— Срочно! Мне нужна твоя помощь.

Они оба втиснулись в небольших размеров кабинку мужского туалета.

— Ты сума сошёл, нам же лечиться нужно.

— Эт точно, — рассмеялся он. — И я сейчас не о «букете». Мы с тобой оба отбитые на голову.

Он снова поцеловал её и, вдруг резко развернув, жестко нагнул, задрал легкое ситцевое платье, раздвинул её ноги, как оперативник, настигнувший преступника, нервно убрал в сторону перемычку трусов и, вынув свой, ставший уже

твердым, как скала, член, дерзко всадил в неё целиком.

Клима буквально трясло, об «остановиться» не могло быть и речи. С неистовой силой буравил её, казалось, если бы она была резиновой куклой, взорвалась бы от очередного удара, оставшись ошмётками в, сильно сдавивших её хрупкую талию, ладонях.

Получала ли она удовольствие от происходящего, даже ей понять было трудно. Стиснув зубы, боясь заорать, она просто терпела, зная, что такие приступы заканчиваются едва начавшись. И она не ошиблась.

Через пару минут бурного натиска, не останавливаясь ни на миг, Клим вбил последний клин и замер, не заботясь больше ни о последствиях, ни вообще о чём-либо на свете.

Немного выждав, она, между прочим, заметила:

— Ничего, сегодня можно.

Правдой ли были её слова, либо она лукавила, его сейчас совершенно не волновало.

Через мгновение она добавила:

— Кстати, о букете — это были фиалки? — её невозмутимое лицо кричало сарказмом.

Клим разразился хохотом. Мгновение спустя, не в силах больше сдерживаться, она прохрипела носом, и залилась смехом.

— Тссс! — приложил указательный палец к её губам. — Мы всё-таки в общественном месте.

— Что нам абсолютно не помешало потрахаться, — про-

должала давиться от смеха Кися. — Кстати, как там твой Волков? — поправляя взъерошенные волосы, она вдруг посмотрела на него в зеркальном отражении.

— Странная штука, — он застегивал ширинку, — вызвал меня в пятницу и говорит недовольным голосом: «Не знаю, что у тебя за связи в академии наук, но, похоже, твоё отчисление отменяется. На долго ли?»

— Вот как? Удивительно. Значит, тетя всё же смогла его убедить.

— Какая тетя? Чья?

— Конечно же моя. Чья же ещё?

— Рассказывай, — он пытливо уставился на неё.

— Сразу после того, как ты рассказал, что Волков тебя собирается выкинуть из консы, я позвонила тете, она — член академии наук. Услышав мой жалостный голос на фоне шмыгающего носа, успокоила меня: «Ничего, спасем мы твоего мальчика». Не обманула.

— ◆ —

Серия из многочисленных невероятно болючих уколов антибиотиков, и мучительное испытание воздержанием должны были послужить уроком на всю жизнь...

Но...

Не послужили...

Глава 4

Рыжая на телеграфе

Изнывая от жары, Клим искал убежище. Вырвавшись из назойливых объятий палящего солнца, на последнем издыхании вбежал в просторный холл центрального телеграфа, и буквально окунулся в освежающую прохладу. Неугомонное ярило всё ещё пыталось дотянуться до него обжигающими лучами, но толстые, слегка тонированные стёкла стали им надёжной преградой.

И хоть в планах не было, всё же воспользовавшись моментом, решил позвонить маме. «Спешить некуда», — подумал и направился к окошку оператора. Заняв очередь, огляделся по сторонам, и тут же поймал на себе любопытный взгляд экстравагантной молодой особы. Всё вдруг стало бесцветным. Лишь золотистый отлив её рыжих волос и яркая помада, почти того же цвета стали эпицентром взрыва его возбуждённого мозга. Слегка сконфузившись от неожиданности, уныло вскинул брови в её сторону, как бы говоря: «что ж, придётся ждать», и нелепо улыбнулся.

Она пялилась на него с момента, как только вошёл, её суетливые глаза мгновенно поймали его в фокус и уже не отпускали. Подобно «киллеру» с многолетним стажем, она то

прищуривалась, внимательно разглядывая «жертву в оптический прицел винтовки», то вдруг раскрывала полностью глаза, видимо вспоминая, что находится сейчас в весьма людном месте. Она словно примеряла его к себе.

Заказав разговор с домом, Клим уселся неподалёку от рыжеволосой красотки.

Напомню увлékшемуся читателю, что действие происходит в далёких 90-х, когда мобильные телефоны могли встречаться лишь в фантастических романах или в научной литературе.

Клим подсел ближе.

— Давно ждёшь? — спросил, как бы между прочим.

— С полчаса примерно, — кокетливо улыбнулась рыжая.

Выгнувшись натянутым луком и сильно подав аккуратную попку назад, она нарочно выпячивала и без того пышную грудь, готовую при малейшем движении оборвать верхние пуговицы до предела натянутой едко-зелёной блузки.

С трудом оторвав взгляд от ложбинки меж двух выдающихся холмов, Клим вдруг отметил:

— Народу вроде не много. Чего так долго?

— А хер их знает, — неожиданно ругнулась она, на мгновение заменив улыбку недовольной гримасой.

— Что ж, придётся ждать.

— Ага, придётся, — повторила, явно желая продолжить беседу, но не имея ни малейшего представления — о чём.

Поняв это, Клим взял инициативу в свои руки.

— Учишься?

— Я похожа на студентку? — удивлённо повела бровями.

— Подумал, ты по межгороду звонишь домой.

— Родителям звоню, но живу тут и уже работаю. Моя студенческая жизнь закончилась два года назад.

— По тебе не скажешь, выглядишь на восемнадцать, ну, максимум на двадцать.

— Мне двадцать пять, но спасибо за комплемент.

— Кем работаешь?

— Технолог пищевой промышленности, — хвастливо заявила рыжая.

— Круто! Думал, работники пищевой выглядят гораздо полнее. Больше смахиваешь на балерину.

— Решил завалить комплементами? — снова произвольно вскинула брови. — Мне приятно. Сам-то, чем занимаешься, учишься или тоже работаешь? — всё это время она ни на мгновение не отводила возбуждённого взгляда.

— И то, и другое.

— Это как?

Видя его интерес, ещё больше подала вперёд интересующую его часть тела.

— Учусь в консе, — сконфузившись ещё больше, произнёс Клим, с трудом протискивая воздух сквозь ком, подкативший к горлу, и глотнул, явно передёрнув кадык, как за tvor винтовки.

— Конса — это что? — невозмутимо спросила она.

— Ну, консерватория.

— Так ты музыкант, — снова вклинилась нетерпеливо.

— Да.

— На чём играешь? — не давала она ему продолжить мысль.

Смирившись с этим, он сменил тактику:

— Скрипка, — и вдруг умолк, терпеливо ожидая следующего вопроса.

— Ой, извини, пожалуйста, перебила тебя, я такая несдержанная, — она кокетливо убрала упавшую на глаза рыжую прядь.

— Ничего. Как зовут?

— Анжела.

— Тебе подходит. Я Клим.

— Клим, — удивилась она и решила подколоть, — Самгин? — рассмеялась и тут же извинилась: — Прости, не смогла удержаться.

— Ты не первая, — он ничуть не смутился.

— Твоя жизнь такая же насыщенная? — подмигнула, намекая на одноимённый роман Максима Горького.

— Не знаю. Если честно, не читал, да и фильм смотрел краем глаза.

— Ты чем-то похож на него: такой же стройный, только бородки не хватает.

— Фу, — скривился он, — терпеть не могу бороду, тем

более, мне не идёт.

— А ты пробовал? — засомневалась она.

— Было дело.

Вдруг прозвучал голос оператора.

— Ой, это меня. Я не долго, подожди, если что, — и упорхнула, унося с собой аромат дорогого парфюма и довольно выраженного благоухания женщины, которое уже начало сводить его с ума.

Через пару минут освободилась ещё одна кабинка и на разговор пригласили Клима. Тут вышла рыжая, и провожая его глазами, нежно скользнула ладонью по его руке, поднимая дыбом волосы и не только, со словами: «Жду тебя на выходе», послала ему воздушный поцелуй.

Разговор с мамой ушёл на второй план, в голове была лишь рыжая. Сведя беседу к банальному: «Как дела?», и ответив на мамин: «У меня всё в порядке. Приеду, как смогу, завтра утром уезжаю на пару дней, посмотреть инструменты разных мастеров», попрощался и спешно направился к выходу, всё ещё подозревая, что это развод. «Ну не может быть, чтоб такая прелесть сама на член бросалась», — размышлял, задумчиво потирая ещё не остывший след от её ладони.

Рыжая ждала у самого выхода. Рассеяно глядя сквозь огромные, до самого потолка, стеклянные двери на проходящих, проезжающий транспорт, искрящиеся рога троллейбусов, она явно думала о другом. Заметив Клима, мгновенно оживилась, распахнув глаза и широко натянув улыбку.

— Ты быстро.

— Так и ты не задержалась. Просто хотел услышать мамин голос.

— Всё в порядке? — поинтересовалась учтиво.

— В полном, — и добавил: — Ты сейчас куда?

— Гулять, — ответила она неопределённо, с явной надеждой на приглашение.

— Жарко для прогулки, — засомневался он. — Может в кафешку и по мороженке?

— Я за, тут неподалёку есть очень достойное место?

Наконец, взявшись за длинную ручку, он толкнул тяжёлую дверь, распахнув её перед новой знакомой.

— Веди, — и добавил: — Надеюсь, моей стипендии хватит.

— Да ладно, не разоришься. Если что, я доплачу. Ну, или заплачу сама, — она рассмеялась.

— Вот ещё, — возмутился он, — не хватало, чтоб дама платила за себя.

— Вообще-то, это я тебя пригласила.

— Ладно, разберёмся.

— Давай на троллейбусе, — вдруг предложила она.

— Ты ж сказала — рядом, — удивлённо посмотрел на неё.

— Рядом, но две остановки можем проехать, — увидев нужный транспорт, скомандовала: — Побежали! — и рванула с места.

Клим устремился за ней.

Протиснувшись в глубь салона, остановились у окна, прижатые со всех сторон, недовольными пассажирами.

Её пышная грудь вмяла его потную футболку в тело. Томный взгляд, кричал: «Я уже теку!»

Имея опыт подобных транспортных приключений, он бесцеремонно воспользовался теснотой переполненного салона и позволил себе вольность, от которой рыжая вздрогнула всем телом. На мгновение она замерла, словно потеряв связь с окружающим миром. И без того спёртый воздух салона заиграл яркими красками всем знакомого запаха. Немного придя в себя, блеснула слезой и уже без всякого стеснения прошептала на придыхании, едва шевеля дрожащими губами: «Поехали ко мне», накрыв при этом его разбухший до невероятных размеров член, горячей ладонью. На что он смог лишь одобрительно мотнуть головой.

— ◆ —

Войдя в лифт, сразу достала из кармана ключи.

— Высоко живёшь?

— На последнем, — ответила сухо.

— Пентхауз, — сдохмил он.

— Ну, прикинь, — ухмыльнулась.

— Я даже не спросил, живёшь сама или?

— Сейчас одна, — перебила, — дети у бабушки с дедушкой.

— Дети?! — удивлённо воскликнул он.

— Да, — спокойно ответила рыжая, — двойняшки: маль-

чик и девочка. Тебя это смущает?

— А как же муж? — вдруг засомневался.

— Обьелся груш. Нет его, — презрительно ответила, протискиваясь сквозь открывающиеся со скрипом двери лифта. — Не ссы, в разводе я, — и распахнув дверь, жестом пригласила гостя войти, — проходи, не разувайся.

— Клёвая хата, — он пошёл по коридору, оценивая интерьер. — Твоя?

— Родители подарили. Кофе будешь?

— Не откажусь, — одобрительно кивнул и как бы между прочим поинтересовался: — Богатые родители?

— Скажем так — не бедные, — и добавила: — Сахара сколько?

— Сливки есть?

— Есть, но очень жирные. Мама с молочного завода приносит.

— Тогда без сахара.

— Да ты гурман, — рассмеялась она.

— Кофе пью либо со сливками, либо с гранатовым соком, — важно заявил он.

— С гранатовым соком? — удивлённо повторила она, убавив газ под огромной джезвой. — Это как?

— В готовый кофе доливаю столько же сока.

— Нужно попробовать, — она с интересом посмотрела на него.

— Ага, вкусно. А ещё люблю извращаться, — вдруг рас-

смеялся.

— Извращенец, — с сарказмом подхватила она.

— Готовлю две чашки, в одну доливаю треть очень жирных сливок, в другую — гранатовый сок, один к одному, и пью то с одной, то с другой.

— Да ты и вправду — извращенец.

Неожиданно, он приблизился и, подхватив её за шею, страстно впился в её золотые губы, будто, произнесённое ею «извращенец» стало триггером.

Ответив ему взаимностью, вдруг игриво оттолкнув его, скомандовала: — Держи себя в руках. Сначала — кофе.

— Со сливками? — ухмыльнулся он.

— Для тебя да.

— Тебя я потом сливками угощу, — лукавая улыбка скользнула по его лицу.

— Согласна, — снова потянувшись к нему, потребовала ещё поцелуй.

Едва прикоснувшись к ней, вдруг вскрикнул: «Кофе!», и буквально сорвав джезvu с конфорки, чуть не расплескал напиток по плите.

— ◆ —

— Кстати, заинтриговал, нужно попробовать твой вариант употребления кофе, — вдруг вспомнила рыжая.

— Ага, только осторожно, — ухмыльнулся.

— В смысле?

— Если сливки очень жирные, а желудок не приспособ-

лен — пронесет так, что до унитаза можешь не добежать, — рассмеялся.

— Что, опыт — сын ошибок трудных? — подхватила смех.

— Мой желудок и не такое переваривал.

— Ясно, — резко сменила тему. — Ты всегда так медленно пьёшь кофе? — её чашка уже давно была пуста.

— Люблю смаковать, — пояснил он. — А мы спешим?

— Знала бы, повела б сразу в спальню, — недовольно повернула голову к окну.

— Так веди, — изумился он, — я ведь не кофе пришёл пить? — и подался к ней.

— А зачем ты пришёл, — томно произнесла, подставив губы для поцелуя.

От прикосновения, её снова буквально затрясло. Он потянулся к промежности.

— Нет, пойдём в спальню, — едва сдерживаясь прошептала, и встав, увлекла за собой.

Спешно расстегнув блузку, кинула её на стул, высвободила из плена объемного бюстгальтера, рвущуюся на свободу, аппетитную грудь. Слегка подтолкнув, он повалил её на кровать, быстрым движением стянул с неё обтягивающие джинсы, небрежно уронив их рядом, скинул футболку, из под которой заиграли рельефные мышцы груди, брюки упали где-то там, и, скинув трусы, поспешил накрыть её своим телом, обжигаясь огнём её неутолимой страсти, с размаху вогнав в неё разбухший до невозможности, будто налитый свинцом,

член.

Мгновенно запущенный «сексуальный маховик», поскрипывая пружинами кровати, сотрясая воздух громким дыханием и протяжными стонами, раскручивался всё быстрее. Рыжая вдруг разразилась непрерывным оргазмом, её тело билось, словно в эпилептическом припадке. Она стиснула его в объятиях, распластав молочные железы, как наполненные водой, воздушные шары, готовые разорваться от давления.

Её сексуальность, граничащая с развратностью, кружила голову. Своим напором он походил на неудержимого жеребца, вогнавшего в норовистую кобылку безразмерный орган, желание которого было лишь — поскорее излиться в неё тестостероном.

Почувствовав скорую разрядку, она вдруг спохватилась: — Не туда! — и поспешив высвободиться из-под него, ловко вывернулась, едва успев коснуться его губами.

— Успела, — довольно произнёс Клим.

— Кто-то обещал угостить меня сливками и забыл о своём обещании, — облизнулась рыжая.

— Любишь сладенькое? — схохмил, подтягивая её к себе.

— Тебе-то откуда знать — сладенькое или кисленькое? — рассмеялась она. — Попробуй, — неожиданно прильнула к его губам, заставив отведать... Задержавшись в поцелуе, она, наконец, приподнялась. — Ну как тебе?

— Не знаю, о чём ты, но вкус таких поцелуев мне опреде-

лѐнно нравится — какой-то особенный, не оторваться.

Глава 5

В поезде

Выскочив из троллейбуса, Клим помчался к железнодорожному вокзалу, возмущаясь самим собой, что пожалел денег на такси и теперь может опоздать. Вбежав на перрон, крикнул первому встречному провожающему: «Где четвёртый?!», и поспешил в указанном направлении. Только запрыгнул на подножку вагона, поезд тронулся.

— Да ты счастливчик, — прищурившись, то ли от восходящего солнца, то ли от ослепительного огня своих же рыжих волос, с сарказмом произнесла молоденькая проводница, опуская крышку над ступеньками.

«Ух, какая, — пронеслось в уже давно проснувшемся мозгу, — вдул бы ей, — пока она стояла, будто нарочно слегка нагнувшись, оценил выдающуюся тыльную сторону её «души» и однозначно заключил: — Времени должно хватить, нужно ею заняться.»

— Ваш билет, — произнесла строго, слегка смущаясь, почувствовав на себе его похотливый взгляд.

— Неужели, я так старо выгляжу. Думаю, я моложе тебя.

— Да, вы слишком молоды, чтоб понять, что обращать внимание на возраст девушки, это — хамство.

— Извини, — произнёс виновато, — дурак. И всё же, давай на «ты». Красивая, совсем юная проводница — роскошь для всего поезда.

— Комплимент оценён, извинения приняты, — улыбнулась снова и настойчиво повторила: — Билет давай.

— Ах, да, — спохватившись, тут же достал из огромного кармана лёгкой льняной рубахи требуемый документ.

— Первое купе, верхняя полка. Бельё брать будешь? — теперь её оценивающий взгляд прошёлся по нему с ног до головы.

— Что за вопрос, конечно, дорога длинная, — удивлённо повёл бровями.

— Знаю я вас, студентов — экономите на всём, — направилась к себе.

— Обижаешь, — поспешив оправдаться, похвалился, — денег у меня достаточно, — он привирал, деньги были слёзно вымолены у деда на инструмент, никак не на кутёж.

— Так уж и достаточно? — продолжала провоцировать. — И что, даже чай купишь?

— И не только чай! — воскликнул.

— Вот твоё бельё, — она с ухмылкой вложила пакет ему в руки, — чего смотришь, плати.

— Ах, да, — он достал купюру из портмоне, — этого хватит?

— Сдачи нет, — хитро посмотрела исподлобья.

— Не нужно, всё нормально.

— Ладно, чай в счёт заведения, — протянула она привычно, и пошутила: — Когда подавать?

— Ну, уж точно не сейчас, отдышаться бы. Позже найду, не возражаешь?

— А если и возражаю, это тебя остановит?

— Нет, конечно. Я же за чаем, — сдохмил он.

— Ну-ну, — лукаво глянула, добавив, — свободен! — практически выпроваживая его.

— Стой! — спохватился. — Клим, меня зовут Клим.

— Очень приятно, Татьяна.

— «Итак, она звалась Татьяной...» — затянул было он, цитируя Пушкина.

— Да ты даже «Онегина» читал, — вскинула аккуратно выщипанные брови, слегка качнув головой.

— Я-то — не удивительно, в силу своей профессии, а вот ты...

— Ну и кто мы по профессии?

— Вопросом на вопрос? — ухмыльнувшись, подшутил:

— Ты не из Одессы, случайно?

— Случайно, — неопределённо ответила, повторив вопрос: — Так кто мы по профессии?

— Музыкант, — похвастался он.

— И? — девушка пылливо тряхнула головой.

— Знаменитая опера Чайковского Петра Ильича «Евгений Онегин» в программе обучения.

— Ясно. А что молодая девушка читала одно из самых

романтических произведений великого русского поэта – тебя удивляет?

— Извини, снова глупость сморозил, — ретировался.

— Заметь, не я это сказала. И вообще, скромнее надо быть. Ладно, некогда мне тут с тобой лясы точить, нужно обойти все купе.

— Так я потом зайду?

— Ага, если желание ещё будет, — спокойно произнесла, повернув ключ в замке, и пошла по вагону.

— Непременно будет, — крикнул ей вслед и открыл своё купе.

Глаза упёрлись в глубокое декольте.

— Ой, извините.

Бархатный альт тут же заставил его сердце биться в два раза быстрее.

Неожиданно, её лицо оказалось так близко, что он еле сдержался, чтоб не окунуться в пышные локоны с головой, присосавшись к пухлым, невыносимо алого цвета, губам. Аромат её духов дурманил, как приворотное зелье, вызывая самые эротичные фантазии.

— Проходите, — она медленно отошла, пронося пышную грудь прямо перед его обалдевшим взором.

Двое мужчин, сидящие на нижних полках, наслаждались зрелищем, даже не думая ей помогать. Она, похоже, подозревая это, намеренно всё делала медленно, утрируя каждое движение.

Мужчина лет сорока подмигнул Климу, указывая на незнакомку, тот несуразно кивнув головой, поздоровался со всеми, между прочим.

Тут вагон дёрнулся в сторону, видимо переходя на другую ветку на стрелке. Упав в объятия Клим, окутала его невидимым полем такой мощности, что сил разомкнуть руки у него не было. Уже стоящий, взбудораженный прелестной вагоновожатой, член, распух до невероятных размеров. Почувствовав это, восхищённо прошептала на ухо: «Ого!..», и едва прикоснувшись к его промежности ладонью, хоть и с трудом, всё же выскользнула из его клешни.

Клим смущённо повернулся, закинул лёгкую сумку в багажное отделение сверху и разложил матрац на своей верхней полке, наконец, повернулся к пассажирам.

— Ну что, будем знакомиться, — он скупно улыбнулся, — Клим, я до Ивано—Франковска. Вы куда едете?

— Анатолий, — подал руку сорокалетний, — я тоже туда.

— Очень приятно, — Клим повернулся к другому соседу.

— Василий, тоже в Ивано—Франковск.

— Как же мне повезло, — томно вклинилась незнакомка, — сразу три попутчика, и всё такие эффектные мужчинки. Мария, — она перекинула ногу на ногу и сильно подала грудь вперёд. Острые соски впились в «мокрый» шёлк платья, будто пытаясь пробить его.

«Она без бюстгальтера», — пронеслось в голове Клим. Всего лишь две относительно широкие полоски тончайшей

ткани, сходящиеся внизу декольте, отделяли его широкие ладони от мечты сегодняшнего дня. — Как же ей идёт этот цвет, и помада в тон, — продолжал заниматься ментальным онанизмом, — как там в поговорке: «Женщина в красном, дай нам, несчастным, — нелепо улыбнулся, — резиночки на лодыжках, довольно высоко, прикольно смотрится, платье—комбез.»

— Это нам повезло, — учтиво произнёс тот, кто постарше.

— Ещё как повезло — дорога в компании столь прелестной дамы, — неоднозначно отметил сорокалетний.

— А ты чего засмутился, Клим? — будто не замечая компонентов, протянула, сверля острым взглядом.

Только сейчас Клим внимательно её разглядел: брюнетка лет тридцати, при очевидной схожести телосложения с его Кисей — стройная, изящная, отличалась невероятно пышной, не свойственной её конституции, грудью, от которой он с трудом периодически отрывал смущённый взгляд, на потеху всем присутствующим, прямой нос делал её скуластое лицо холодным, что подчёркивали бездонные карие глаза и чёрные, как смоль, довольно длинные волосы. Широкие, как у водных гимнасток, плечи, подчеркивали статус самостоятельной, независимой женщины. Она была полной противоположностью истеричному холерику — Кисе, так ему показалось, её густо льющийся бархатный алыт таял в ушах Клима, превращая его в безвольное существо, ведомое основ-

НЫМ ИНСТИНКТОМ.

Мужчина постарше, лет пятидесяти, как оказалось, офицер в отставке, начал разговор:

— Вспомнил песню, не помню, кто написал, текст, как нельзя кстати: «Вагонные споры — последнее дело, и каши из них не сварить. Но поезд идёт, в окошке стемнело. И тянет поговорить».

— Слышал. Одна фраза запомнилась, — подхватил Клим, — хотя, скорее обрывки фраз: «...первый кричал: «куда хотим, туда едем...»», — что-то там ещё: «...второй отвечал: «всё дело в цене на билет». А билеты подорожали капитально, — добавил и умолк.

— Да уж, — продолжил сорокалетний, — но, если необходимо, ресурсы находятся.

— Как насчёт перекусить? — предложил офицер.

— Чисто советская привычка: как только поезд трогается, нужно поесть, — надменно заметила брюнетка.

— А что в этом плохого? Поездка, это — своего рода стресс. Вот люди и заедают его.

— Ага, — возмутилась она, — а иногда и запивают, да так, что до пороссячьего визга.

— Уверяю вас, мы себе такого не позволим, тем более в присутствии дамы, — добавил сорокалетний.

— Так вы не против? Жена в дорогу приготовила, — повторил вопрос офицер, потянувшись к сумке.

— Ну, если вы умираете с голоду — я не против, — с досадой произнесла брюнетка, демонстративно достав из дамской сумочки зеркальце и помаду, явно провоцируя.

— Я всё же перекушу, — доставая замасленный свёрток, произнёс офицер.

— Присоединяюсь, — поддержал сорокалетний, — хотя, не знаю, чем дополнить стол, разве что бутылочкой коньяка «Белый аист», но ведь мы пообещали даме, что не будем пить.

— Мы пообещали, что не до поросячьего визга, — отшутился офицер. — Да и что тут пить? — тут же добавил: — шутка. По рюмашке, для аппетита.

— Клим, ты с нами? — обратился сорокалетний.

— Воздержусь, — Клим уже не отрывал взгляд от пышной груди брюнетки.

— Что так, болеешь? — не унимался тот.

— Нет, просто не пью, — глянул он на сорокалетнего, — вы не стесняйтесь, приступайте.

Курица, к тому времени уже была разодрана на куски.

— Угощайся, — офицер протянул Климу бедрышко.

— Спасибо, чуть позже. Схожу, руки вымою, — потянул ручку, и вышел за дверь.

— Я с тобой, — брюнетка последовала за ним, дверь хлопнулась. Уже в коридоре нервно добавила: — Терпеть не могу запах еды в купе. Для этого есть ресторан.

— Ага, с сумасшедшими ценами, — заметил Клим.

— Понимаю, не все могут себе позволить. Я о своих ощущениях, только и всего.

— Мне самому это не нравится, когда не участвую в трапезе, так сказать. Помню ездил в училище каждую неделю в электричке. Запах чеснока, лука, котлеты, колбаса. Однажды чуть не блеванул, извини за подробности.

Они подошли к туалету. Клим дернул ручку, дверь оказалась закрытой.

— Занято, наверное, — заметила брюнетка.

Из первого купе высунулась голова проводницы. Застав Клима с экстравагантной брюнеткой у двери туалета, презрительно выдавила:

— Что, не терпится уже? Сейчас открою, санитарная зона была.

— Да мы только руки вымыть, — виновато произнёс Клим.

— Ну да, — съязвила проводница.

Совершенно смутившись, протиснулся в кабинку, забыв предложить девушке воспользоваться туалетом первой, закрыл за собой дверь и вдруг отчётливо услышал бархатный альт:

— Не ревнуй, у тебя нет шансов.

— Много на себя берёшь, — отразила проводница.

— Забьёмся? — провоцировала брюнетка.

— А оно мне надо? — ретировалась проводница, — забирай, — направилась к себе, — не подавись...

Клим высунулся из туалета и как ни в чём не бывало выдал нелепую шутку:

— Будуар в вашем распоряжении целиком и полностью.

— Спасибо, — произнесла она, демонстративно поцеловав его в щёку перед уже стоящей у своей двери, проводницей, кокетливо добавив: — дождись меня.

Та фыркнула носом и скрылась из виду.

— ◆ —

Вернувшись к себе, Клим с брюнеткой застали пир в полном разгаре. Беседа переросла в дискуссию.

— Так ты сам ушёл в запас, когда до пенсии оставалось совсем ничего?

— Я же говорю, что в связи с развалом СССР, перспектив не было, — пояснил офицер.

— А как же присяга, долг перед отечеством? — не унимался сорокалетний.

— А семью кормить с чего? Зарплата смешная, есть хотят все. Жена — учительница, им и вовсе задерживают уже который месяц. Двое детей: сыну пятнадцать, дочке семь. Карманные деньги — вынь да положь ежедневно, одень всех, да по моде, они ведь... — он замолчал.

— Понимаю, — сочувственно произнёс сорокалетний. — У меня ни жены, ни детей, и права я не имею осуждать.

— Пожалуй, наверх полезу, — прервала беседу брюнетка.

— Я тоже, — поддержал Клим, — не выспался совсем.

— Чем же ты всю ночь занимался, — любопытствовала

она, влезая на верхнюю полку.

— Тебе скажи, и ты захочешь, — ухмыльнулся Клим, сняв рубаху, повесил её на крючок у входа, оставшись в лёгких джинсах.

— Уже хочу, — повернувшись к нему, игриво прикусила губу, глядя на его обнажённую грудь, играющую мышцами.

Слегка смутившись, плюхнулся на матрац и громко, по-детски, заявил: — Меня нет, я спать, — и повернулся к ней спиной.

— Фу, как неучтиво, — возмутилась она.

Он повернулся снова и виновато добавил:

— Правда, не обижайся, я немного отдохну.

— На обиженных воду возят и балконы падают, не парься, переживу, — и отвернулась.

— Так, я в туалет, — наконец произнёс офицер.

— Пожалуй, я тоже, — поддержал товарищ по трапезе.

— Приспичило? — пошутил офицер.

— Можно и так сказать.

— ◆ —

В купе воцарилась тишина.

Клим не мог уснуть, чуткое ухо музыканта улавливало едва слышное дыхание вожделенной незнакомки, что уже целиком восхитила его сердце, хотя скорее орган в промежности. Он изрядно набух и уже нешуточно беспокоил возбуждённого хозяина. Непроизвольно рука потянулась к нему и

нырнула в уже расстёгнутую ширинку джинс.

Клим развернулся в сторону девушки, его ладонь уже скользила по твёрдому члену, с довольно заметной амплитудой, прерывался он лишь для того, чтоб смочить пальцы слюной.

Спокойное лицо мирно дремлющей девушки, слегка прикрытое волнистой прядью волос, заводило его ещё больше. Захотелось взять её сонной, прямо сейчас.

Неожиданно, лёгкая простыня, покрывающая её идеальное тело, поползла вниз, из-под неё показался сосок. Он набух так, что походил на напёрсток, возвышающийся над пышной грудью.

«Когда она успела раздеться, да и зачем», — ошеломлённый откровенностью, заработал кистью ещё быстрее.

Простыня продолжала сползать по всему телу брюнетки, пока не оголила её всю.

Глаз зацепился за острую стрелку аккуратной стрижки на лобке, будто нарочно указывающую на «вход».

— Су-ка, — произнёс в сердцах, стиснув зубы, еле сдерживаясь, свободная рука потянулась к левому соску.

Вдруг, она открыла глаза и резко повернула голову в его сторону, уставившись в упор. Клим поспешно накинул на себя простынь.

— Прости, прости, пожалуйста, — залепетал. Несвойственный ему стыд, накрыл его внезапно от неожиданности.

Лукаво улыбаясь, двинулась к нему, повиснув над прохо-

дом, ухватила край простыни, стянув её, оголила его причинное место, с трудом убрала крепко сжатый кулак и, бесцеремонно положив горячую ладонь на яички, томно произнесла:

— Простить за то, что ты на меня дронишь, или за то, что трахнешь меня прямо сейчас?

Ловко перескочив с полки на полку, всем телом легла на него, дав ему почувствовать невероятную упругость шаров, на которые он пялился с того момента, как увидел их. В то же мгновение член «обожгло», будто кто, перевернув вулкан, накрыл его огнедышащим кратером целиком, и горящая лава, стекая по гранитному утёсу, делала его ещё крепче, расплавляя собой его сознание. Клим застыл. Сердце грозило остановиться. Она прильнула к его губам и вдохнула воздух в его лёгкие, улыбаясь дрожащими губами.

Он ужаснулся, на миг показалось, что это Кися, слегка отодвинул её.

— Ты чего, — она продолжала дрожать.

— Ничего, всё прекрасно, — аккуратно перевернув её, взгромоздился сверху, на сколько позволяла высота потолка, и вошёл на всю длину.

Резко выгнувшееся тело издало протяжный стон, похожий на выдох преисподней. Казалось, он чувствовал, как воздух, выдавливаемый мощной диафрагмой, звучит внутри, как в трубах древнего органа средневекового католического собора, заставляет вибрировать весь инструмент, завораживая

мистическим звучанием.

Колёса поезда — невольные свидетели, продолжали перестукиваться, бормоча, как старушки у подъезда: «Шлюха, блядь, потаскуха, шлюха, блядь, потаскуха...»

Будто понимая, что «старушки» о ней судачат, она возбудилась ещё больше, стоны стали громче.

Голоса за дверь привлекли внимание. Он было хотел остановиться, но она удержала, заключив его бёдра в замок, помогая буравить себя.

Вдруг дверь распахнулась. Она не дала ему выскочить.

Вошедший первым офицер застыл. Сорокалетний буквально налетел на него, глядя в это время на закрывающую купе вагоновожатую.

— Ничего себе сюрприз, — наконец выдавил офицер. — Молодые люди, мы вам не помешали? Замок для чего?

— Зайдите и закройте за собой, — дрожащим голосом скомандовала брюнетка.

— Не обращайтесь на нас внимание, — ухмыльнулся сорокалетний, и захлопнул дверь перед носом проходящей мимо проводницы.

— Продолжай, — дав понять Климу, что остановка смерти подобна, потянулась к приблизившемуся сорокалетнему, ухватила за воротник рубахи и заставила поцеловать себя, продолжая вздрагивать от каждого проникновения. — Присоединяйся, — взмолилась она.

С трудом оторвавшись от поцелуя, тот вдруг настойчиво

предложил:

— Сползайте вниз, — и стал спешно раздеваться.

Аккуратно приподняв намертво прилипшего Клим, соскользнула с верхней полки, обняла уже совершенно голого сорокалетнего, подхватила его под яички, оценив по достоинству его достоинство, и одарив его ещё одним горячим поцелуем. Затем, опустив взгляд на, всё ещё недоумевающего офицера, робко повторила:

— Присоединяйтесь, — заметив сомнение в его глазах, взмолилась: — Пожалуйста.

— Да вы издеваетесь, у меня жена, дети, — попытался высвободиться офицер, но сопротивлялся он уже скорее по привычке, чем всерьёз. Уже через несколько секунд стало ясно, что битва за нравственность проиграна окончательно.

— Ничего, сейчас мы это исправим, — лукаво улыбнулась она.

— Что ж ты со мной делаешь, дьявол во плоти?! — простонал он.

— Не дьявол — ангел, — широко улыбнулась Мария.

Тем временем сорокалетний примостился сзади. От неожиданности она вскрикнула и отдёргнулась.

— Ничего себе! — выдохнула с трудом. — Решил меня порвать? Аккуратнее, я же — девушка.

— Вопрос спорный, — усмехнулся он. — Девушка, которую вертят трое незнакомых мужиков в купе поезда? Шлюха ты конченная!

От боли она вздрогнула, но вместо возмущения лишь ещё сильнее подалась навстречу происходящему.

— Соска! — презрительно бросил сорокалетний.

Даже стук колёс уже не мог заглушить её стоны. Чем больше он её унижал, тем сильнее её несло.

Клим стоял рядом, не в силах оторвать взгляд от происходящего.

В какой-то момент ему показалось, что её тело двоится, будто каждое её движение оставляет едва заметный след. Он походил на, возникающие ни откуда и гаснущие языки пламени, цветовая гамма которых менялась с каждым движением и вздохом, повисая лёгкой, седой дымкой над извивающимся «змеиным» телом. «Вот это меня понесло, вроде ничего не курил», — подумал Клим и ускорился. След становился более отчетливым и всё больше отставал, постепенно превращаясь в отдельное полупрозрачное тело девушки, похожее на астральное, продолжая завораживать языками пламени. Вскоре оно совершенно отделилось и стало манипулировать Марией, будто марионеткой. Клим никогда не испытывал подобного эффекта воображения. «Фига се — фантазия!» — пронеслась мысль. А свободная кисть скрипача продолжала «исполнять» тот же штрих. Внезапно голова фигуры повернулась в его сторону и растянулась в похотливой улыбке, вскинув брови, будто выстрелив взглядом, она протянула полупрозрачную руку, увлекая за собой.

Неожиданно Мария остановилась, повалила сорокалетне-

го на полку рядом и устроилась поверх него. Затем поманила Клима, недвусмысленно давая понять, чего хочет. Нерешительно он приблизился. Она обратилась к офицеру:

— Давай его сюда.

Всё снова пришло в движение. Казалось, ей уже было мало обычных человеческих ощущений. Она жадно тянула на себя внимание каждого из них.

Происходившее в данный момент трудно было назвать удобным мероприятием. Кое-как примостившись к ней, каждый играл свою уникальную роль в этом экспромте. Подобно талантливой флейтистке, она исполняла виртуозную пьесу на трёх кожаных флейтах.

Не Мария теперь была его страстью, а никому не видимое существо, появившееся ни откуда. Ему казалось – он сходит с ума. «Если это безумие, то оно так сладко, что я готов остаться безумным. Паганини продал душу дьяволу за скрипку, я за это состояние готов», — подумал он, не подозревая, что в уме произносит клятву верности той, кто уже давно положил на него алчный взгляд.

— Я тебя услышала, — раздался в голове низкий, протяжный голос.

«Ничего себе фантазия!» — мелькнуло снова.

Накал страсти в купе был столь высок, что все трое удивительным образом почти одновременно дошли до кульминационной точки. Её бёдра, как шатуны двигателя, увеличивали скорость. Клима затряса в конвульсиях и, вложив в по-

следний толчок все силы, замер.

Офицер глухо застонал. Сорокалетний выругался сквозь зубы и крепче прижал её к себе. Казалось, само пространство тесного купе не выдерживает накала происходящего. Держась до последнего, Мария наконец разразилась диким оргазмом. Казалось, весь вагон услышал протяжный рёв ненасытной кошки.

Внезапно, со стороны купе проводницы раздался стук. Все притихли. В этой тишине вдруг послышалось: «Тише можно?!» Некая обида звучала в голосе той, кто по какой-то причине решил, что может ревновать.

Брюнетка вдруг резко начала высвобождаться из, уже ставших назойливыми, объятий.

— Ну же, слезайте, — её взгляд исказился до неузнаваемости, она походила на загнанную крысу, агрессивно скалясь, брезгливо растирала сперму, которой, как ей казалось, было покрыто всё тело, нервно вытирала губы, лицо, не переставая требовать: — Оставьте меня! — казалось, она сорвётся в истерике. — Чего смотрите?! Пошли вон! Убирайтесь! — накинула смятую простынь, прикрыв гениталии.

Все трое, переглянувшись, без комментариев, наспех оделись и вышли за дверь.

Клим поплёлся к туалету. Молодая проводница стояла в дверях своего купе. Проводив его взглядом, презрительно произнесла в след: «Кобель!»

Он было хотел оправдаться, но тут же осознав, что это

— бессмысленная трата времени, закрылся в туалете. С трудом расслабив простату, освободил уже нывший мочевой пузырь, вымыл руки, и глядя на себя в зеркало, иронично заключил: «Да, Клим, такого у тебя ещё не было! Такое даже во сне не приснится! — рассмеялся. — Хотя, во сне ещё и не такое приснится. Хорошо хоть отпустило,» — тут же в зеркале мелькнул знакомый силуэт. Испугавшись, он зажмурился, потряхнув головой. Снова, с опаской глянул на своё изображение, силуэт исчез, лишь лёгкая дымка продолжала рассасываться в воздухе. Он обернулся — в туалете кроме него никого не было. — Вот же меня колбасит. Может что в еде было, как в средневековье, спорынья в хлебе спровоцировала массовую галлюцинацию? — ухмыльнулся он, и зачерпнув ладонями хол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.